

СЕКЦІЯ 3

Методика викладання лінгвістичних та літературознавчих дисциплін у школі та вищому навчальному закладі

Ольга БРАНДЫС, Людмила УСТЮГОВА

РУССКИЕ ПРИЧАСТИЯ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 1 (39) 2018

УДК 811.161.1:372.8

Брандис О., Устюгова Л. Російські дієприкметники як об'єкт вивчення у школі; 23 стор.; кількість бібліографічних джерел – 17; мова – російська.

Анотація. Вивчення дієприкметників на уроках російської мови - складний процес, необхідний для навчання письмовому й усному спілкуванню. У статті на прикладі дієприкметників з оповідань та повістей А. Чехова дана систематизація граматичного матеріалу, який становить інтерес для вивчення дієприкметників у школі.

Ключові слова: російська мова, активні дієприкметники теперішнього часу, активні дієприкметники минулого часу, пасивні дієприкметники минулого часу, доконаний вид, недоконаний вид.

Русские причастия представляют собой достаточно ассиметричную систему, которая, имея ещё индоевропейские корни, прошла сложный путь развития, приведшего к формированию двух разновидностей данной категории – разговорной и книжной [7, с. 357]. Книжные причастия испытали влияние наиболее развитых для своего времени литературных языков – старославянского, а через его посредничество и древнегреческого, а также французского. Это влияние затронуло не только план выражения (вытеснение исконного варианта суффикса действительных причастий наст. времени *-уч/-ач-*, перешедшего в разряд прилагательных, старославянской формой *-ущ/-ащ-* [16, с. 137-138]), но и план содержания (ослабление предикативного значения, приведшее к возникновению новой грамматической категории – деепричастий, и усиление признаков качественности [4, с. 204]). Одну из главных особенностей современных причастий можно определить как их грамматическую многоаспектность, создающую определённые трудности при изучении этой грамматической категории, особенно в школе. Анализируя соответствующие разделы школьных учебников, имеющих длительную традицию своего бытования [13], и более современных, изданных в начале XXI вв. [2, 3, 11, 12, 14], мы пришли к выводу о том, что подборка и дозировка материала в них в целом способствует достаточно глубокому изучению причастий в школе, однако преимущественно в том направлении, которое характерно для периода господства в грамматике структурных методов. Между тем, создаваемая на базе Национального корпуса русского языка корпусная грамматика, учитывая достижения предшествующих грамматик, основное внимание сосредоточивает на особенностях употребления грамматических единиц в

речи [10]. Цель настоящей статьи – обратить внимание на те особенности причастий, в которых отчётливее всего проявляется ассиметричность данной грамматической категории, и показать обусловленное этим своеобразие их употребления в художественных текстах. Материалом нашего исследования послужили причастия, зафиксированные в рассказах и повестях А. Чехова 1895 – 1903 гг. Нами использованы тексты 24 произведений из 8 тома «Собрания сочинений» писателя [17], словарный состав которых равен 140 668 единицам.

Так как до сих пор нет однозначного определения частеречной принадлежности причастий, отметим, что мы рассматриваем их как атрибутивную форму глагола, сохраняющую значимые грамматические признаки глагольных основ и при помощи специальных суффиксов выражающую наиболее актуальные для причастий значения залога (действительного или страдательного) и времени (настоящего или прошедшего) [9, с. 665-671].

Учитывая заданный объём настоящей статьи, анализируемые признаки причастий мы представили в виде таблицы, отражающей в том числе и результаты их количественного анализа, актуальность которого на данном этапе развития языкознания предопределяется интенсивным развитием корпусной лингвистики. В таблице 1 для каждого типа причастий обозначается количество словоформ (число до косой линии) и примеров их употребления в текстах А. Чехова (число после косой линии). Так, число 204 / 396 (пункт 1.1.2. в таблице 1) означает, что в нашем материале имеется 204 словоформы полных страдательных причастий с суффиксом *-нн-*, *-енн-*, которые в анализируемых текстах употреблены 396 раз. Рассмотрим материал таблицы 1:

Таблица 1. Типы причастий и примыкающих прилагательных в повестях и рассказах А. П. Чехова 1895-1903 гг.

№№ п/п	Типы причастий и примыкающих прилагательных	Настоящее время		Прошедшее время		Всего:
		НСВ	СВ	НСВ	СВ	
А. ПРИЧАСТИЯ ОТ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ						
1.1.	Страдательные полные:					
1.1.1.	с суффиксом -ом/-ем-, -им-	11 / 22				11 / 22
1.1.2.	с суффиксом -ни-, -ени-				204 / 396	268 / 550
1.1.3.	с суффиксом -т-				64 / 154	
	Всех страдательных полных					279 / 572
1.2.	Страдательные краткие:					
1.2.1.	со вспомогательным глаголом:					
1.2.1.1.	с суффиксом -ни-, -ени-				90 / 126	111 / 162
1.2.1.2.	с суффиксом -т-				21 / 36	
1.2.2.	без вспомогательного глагола:					
1.2.2.1.	с суффиксом -ни-, -ени-				64 / 101	78 / 122
1.2.2.2.	с суффиксом -т-				14 / 21	
	Всех страдательных кратких					189 / 284
	Всех страдательных причастий	468 / 856				
2.1.	Действительные причастия					
2.1.1.	Невозвратные с суф. -ущ-/-ющ-, -ащ-/-ящ-, -вш- и -ш-	35 / 45	28 / 34	12 / 16		75 / 95
	Всех причастий от переходных глаголов		40 / 50			543 / 951
Б. ПРИЧАСТИЯ ОТ НЕПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ						
3.1.	Действительные причастия					
3.1.1.	Невозвратные	50 / 94	27 / 75	34 / 48		111 / 217
			61 / 123			
3.2.1.	Возвратные	7 / 8	7 / 8	11 / 12		25 / 28
	Всех причастий от непереходных глаголов					136 / 245
	Всех причастий	679 / 1196				
В. ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ						
4.1.	Прилагательные с суф. -ни-, -ени-		20 / 42			20 / 42
4.2.	Прилагательные с суф. -уч-, -ач-	10 / 25				10 / 25
	Всех прилагательных		30 / 67			

1. В таблице 1 причастия разделены на две подгруппы с учётом такого признака мотивирующего глагола, как переходность / непереходность. Этот признак, связанный с лексическим значением глаголов, является ведущим при разграничении мотивирующих основ действительных причастий, указывающих, что действие произведено определяемым именем (мыслящий человек, странствующего художника, с цветущей розью; застывшая улыбка, прогоревшего барина, проходившую женщину), и страдательных, обозначающих обращённость действия на определяемое имя: воображаемые картины, уважаемый батюшка, любимый душ; оскорбленные люди, растасканные бревна, спутанные лошади; о забытом поэте, спитой чай, в открытую дверь (примеры приводятся в той форме, в какой они представлены в анализируемых текстах). 543 словоформы причастий (80%), зафиксированных в произведениях А. Чехова, образованы именно от переходных глаголов: это все типы страдатель-

ных причастий и 40% словоформ невозвратных действительных причастий наст. и прошед. времени (делающего, ищущего, просящего; занимающую, писавший, получивший). Непереходными глаголами мотивируются только действительные причастия, для которых актуально прежде всего деление на невозвратные (живущему, плчущим, сидящего; опухшие, постаревшая, приехавшие) и возвратные: вьющимся, закрывающимся, строящейся; борющийся, обвалившаяся, погнувшийся. У возвратных глаголов, как известно, имеется постфикс (частица) *-ся*, сохраняющийся в структуре причастий как главный признак их возвратного значения. Для возвратных причастий обычно характерна невысокая частотность употребления. В нашем материале имеется всего 25 возвратных словоформ, употреблённых 28 раз. Невозвратные причастия от непереходных глаголов в анализируемых текстах А. Чехова составляют 111 словоформ, или 60% от

общего количества действительных причастий в нашем материале.

2.1. В таблице 1 указываются суффиксы выделенных типов причастий, так как конкретизация залогового значения словоформ производится именно суффиксами, для которых характерна однозначность в выражении этого значения: *-ущ/-ющ-*, *-ащ/-ящ-*, *-ви-* и *-ш-* являются суффиксами действительного залога, а суффиксы *-ом/-ем-*, *-им-*, *-нн-*, *-енн-*, *-онн-* и *-т-* маркируют словоформы страдательного залога. Следует обратить внимание на вариантность суффиксов с одинаковым значением, которая предопределяется тем, что глаголы имеют различия в структуре основ, обусловленные принадлежностью к разным словоизменительным классам. В школе, как известно, изучаются только более крупные группировки глаголов – спряжения, исходя из которых можно разграничить некоторые варианты суффиксов: *ущ/-ющ-*, *ом/-ем-*, *нн-* присоединяются к основам глаголов 1-го спряжения (*работать > работающие*, *получать > получаемый*, *вспахать > вспаханная*), *ащ/-ящ-*, *им-*, *енн-* – к основам глаголов 2-го спряжения (*входить > входящий*; *видеть > видимый*, *сложить > сложенные*). Для разграничения вариантов *-ви-* и *-ш-* можно вывести общее правило, объясняющее большинство примеров употребления этих вариантов: после основ на гласный употребляется вариант *-ви-*, а после основ на согласный – вариант *-ш-*: *ночевать > ночева-ви-ий*, *торговать > торгова-ви-ий*, *слышать > слыша-ви-ий*, но *пасть > пад-ш-ему* (*ангелу*), *порости > порос-ш-ий*. Однако эта закономерность нарушается при образовании причастий от глаголов с суф. *-ну-* (2-й класс по А. Лескину). Ср.: *дрогнуть > дрогну-ви-им* (суффикс сохраняется), но *высохнуть > высох-ш-ий* (суф. *-ну-* утрачивается). Аналогично *озяблише*, *опухише*, *осипишим*, *охрипишим*, *поблекшее*, *привыкшее*, *прокисшими*, *прокишии*, *увядших* и многие другие причастия от глаголов 2-го класса.

2.2. Ещё труднее разграничивать варианты *-нн-*, *-енн-* с одной стороны и *-т-* с другой. Ср.: *оборвать > оборва-нн-ый*, *уволить > увол-енн-ый*, но *взять > взя-т-ый*, *поджечь > поджа-т-ый* (глаголы 1-го класса по А. Лескину). Суффиксы **-н-* и **-т-* в индоевропейском языке употреблялись достаточно широко, однако в дальнейшем их судьба в и.-е. языках оказалась различной [15, с. 302]. В системе русских причастий суф. *-т-* занимает периферийное положение, закрепившись в подгруппах глаголов 1-го и 2-го классов. В анализируемых текстах А. Чехова имеется 14 словоформ от глаголов 1-го класса с суф. *-нн-*, *-енн-* и 37 примеров с формантом *-т-*, употреблённых 98 раз: *забитое*, *завитая*, *запертые*, *накрытый*, *развитая*, *сшитом*, *убитая*, *умытый* и др. Некоторые из этих причастий имеют достаточно высокую частотность: *открытых – 14*, *залитых – 7*, *помятую – 6*, *немытая – 5* и др.

Более сложная картина наблюдается в подгруппе глаголов 2-го класса, где при образовании страдательных причастий прошед. времени в основе глагола сохраняется суф. *-ну-*, к которому присоединяется формант *-т-*: *вздёрнуть > вздёрнутый*, *застегнуть > застёгнутый*, *надвинуть > надвинутым*. В нашем материале имеется 22 причастия от глаголов 2-го класса, которые в текстах А. Чехова употребляются 48 раз.

3.1. Весьма сложные отношения наблюдаются при образовании причастий от глагольных основ, различающихся видовой принадлежностью, которая связана с временным значением словоформ. Сохраняя видовое значение глагольной основы, причастия при помощи специальных суффиксов выражают значение времени – настоящего (суффиксы *-ущ/-ющ-*, *-ащ/-ящ-*; *-ом/-ем-*, *-им*) или прошедшего (суффиксы *-ви-*, *-ш-*; *-нн-*, *-енн-*, *-онн-* и *-т-*), при этом формы наст. времени и действительных, и страдательных причастий образуются только от глаголов НСВ: *везущих*, *ноющих*, *мыслящей*; *надвигающийся*, *относящимся*, *смеющимся*; *воображающий*, *называемых*, *видимое*. Формы действительных причастий прош. времени возможны от глаголов обоих видов: *занимавшую*, *протекавшую*, *проходившую*; *тащившиеся*, *тянувшаяся*, *удалявшийся* (НСВ); *кончивший*, *одичавший*, *уцелевшие*; *ворвавшаяся*, *затерявшаяся*, *обвалившаяся* (СВ).

3.2. Тенденция к образованию форм прош. времени причастий от глагольных основ обоих видов распространяется и на страдательные причастия. Несмотря на теоретические расхождения при определении грамматического статуса словоформ типа *варёный*, на наш взгляд, эти словоформы по структурным особенностям примыкают к причастиям прошед. времени. В анализируемых текстах А. Чехова представлено только 20 таких словоформ (*вязаный*, *копчёной*, *пареной*, *рваный*, *стриженный*, *холёными* и др.), некоторые из которых имеют сравнительно высокую частотность употребления, например *жареной – 8*, *краденая – 7*. В целом в русском языке указанные девербативы образуют заметный пласт производных слов (см. [8, с. 358, 366-367 и др.]), нуждающихся в более чётком определении статуса. Квалификация их по признаку ‘наличие / отсутствие зависимых слов’ то как прилагательных (*Ничто так не мешало мне жить, как острое чувство голода <...> когда мои лучшие мысли странно мешались с мыслями о гречневой каше, о котлетах, о жареной рыбе [7:123]*ⁱ), то как причастий (*Она садилась и кушала с ними щи, кашу и картошку, жаренную на бараньем сале, от ко-*

ⁱ Ввиду сравнительно большого количества примеров из текстов А. Чехова, мы несколько упростили паспортизацию этих примеров: сначала указывается номер текста в 8 томе (нумерация дана в списке литературы), далее после двоеточия обозначается страница. Так, [7:123] указывает, что пример взят из 7-го текста (повесть «Моя жизнь») со страницы 123.

торого пахло свечкой [2:16]) не проясняет грамматической сущности и причин образования указанных девербативов, а только усложняет правила орфографии. Тексты диктантов чаще всего перенасыщены этими девербативами, что создаёт превратное впечатление не только об их месте в грамматической системе русского языка, но и об уровне грамотности учащихся.

3.3. Представляет интерес и факт наличия девербативов с суф. -т- от глаголов НСВ. В нашем материале это *битой, бритых, крытых, мытый*. Например: *...и был еще десяток сил помельче, и между ними учителя гимназии с бритыми усами, строгие, неумолимые, и теперь вот, наконец, Модест Алексеевич...* [2:18]; *По скату, около этих камней и ям, вырытых гончарами, вились тропинки, целыми кучами были навалены черепки битой посуды...* [8:203]; *На нем была белая, давно не мытая рубаха с веревочным пояском, вместо брюк кальсоны, и на сапогах тоже налипли грязь и солома* [14:300]; *Извозчик с крытым верхом, весь мокрый, стоял у подъезда.* [27:502]. Отметим также пример употребления краткой формы от указанных девербативов: *Это был человек среднего роста, с тухлым лицом и маленькими глазами, бритый, и казалось, что усы у него были не бриты, а выщипаны* [15:310].

3.4. Сложные отношения наблюдаются также в подгруппе производных, по структуре соотносимых со страдат. причастиями наст. времени. В «Грамматическом словаре русского языка» [8] приводится около 40 страдат. причастий наст. времени с суф. -ем-, причём почти каждое из них имеет производные с префиксом не- (реже с другими префиксами), а также сложные слова. Например: *познаваемый > непознаваемый, распознаваемый; проницаемый > непроницаемый, водо-проницаемый, газо-проницаемый, звуко-проницаемый, воздухо-проницаемый, полу-проницаемый*. От ряда причастий в языке закрепились только производные с префиксом не-: *несгибаемый, неувядаемый, непререкаемый, несмолкаемый, неумолкаемый, неиссякаемый, незнаемый, неотъемлемый* и др. Более сложные отношения наблюдаются в подгруппе с суф. -им-, где наряду со страдат. причастиями наст. времени (*проходимый, мыслимый, зависимый*) имеются производные от глаголов СВ, причём последние преобладают: *поправимый, уловимый, возбудимый, вообразимый, определимый, заменимый, объяснимый, допустимый* и др. У большинства слов этой подгруппы имеются производные с префиксом не- (*непроходимый, немислимый, неизлечимый, независимый; непоправимый, неуловимый, невозбудимый, незаменимый, необъяснимый*), реже – сложные слова: *излечимый > неизлечимый, трудноизлечимый; растворимый > нерастворимый, быстрорастворимый*.

В нашем материале, кроме собственно страдат. причастий наст. времени, имеются производные с префиксом не- от глаголов НСВ (*Как освобо-*

диться от этих невыносимых пут? – Как? Как? – спрашивал он, хватая себя за голову. – Как? [21:410]), но преобладают прилагательные от глаголов СВ. Например: *Одним словом, у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний* [13:286]; *Он, как медик, <...> все улучшения в жизни фабричных <...> приравнивал <...> к лечению неизлечимых болезней* [17:345]; – Как видишь, живем хорошо, лучше и не нужно. Только вот одно: дедушка твой плох! <...> А ведь – помнишь? – какое здоровье, какая сила! **Неукротимый был человек**... [10:246]; *И в то же время нескончаемая равнина, однообразная, без одной живой души, пугала ее*... [10:247]; *Сделаться врачом? Но <...> у нее непобедимое отвращение к трупам и болезням.* [10:252]; и др.

В анализируемых текстах А. Чехова рассмотренный выше материал об особенностях образования действительных причастий прошед. времени (*занимавшую, кончивший*) и девербативов типа *варёный, мытый, поправимый*, на наш взгляд, объединяется одной тенденцией – разрушением жёсткой связи с категорией вида.

4.1. Довольно большую подгруппу в анализируемых текстах А. Чехова (189 словоформ, или 41%) составляют краткие страдательные причастия прошед. времени. Как и у кратких прилагательных, их основная функция в предложении – предикативная. В нашем материале преобладают причастия со вспомогательным глаголом (глаголом-связкой). Их насчитывается 111 словоформ (59%). Ср.: *Через месяц был назначен новый викарный архиерей, а о преосвященном Петре уже никто не вспоминал* [24:472] // *Они гуляли и говорили о том, как странно освещено море*... [21:396]; *...Когда на другой день после обеда я пришел к Волчаниновым, стеклянная дверь в сад была открыта настежь* [6:106] // *Шлаббаум поднял, и около намело целые горы, и, как ведьмы на шабаше, кружатся облака снега* [4:35]. По мнению А. Н. Гвоздева, причастия без связки, обозначая прошедшее действие, результат которого сохраняется в настоящем, имеют значение перфекта. Причастия со связкой указания на сохранение результата действия не содержат [6, с. 65-66]. Ср.: *Кузьминки пошли в приданое только шесть лет назад, но уже разорены этим самым Сергеем Сергеевичем*... [12:267] (результат разорения имени сохраняется); *...одно время он был влюблен в нее и собирался сделать предложение*... [12:267] (указания на сохранение юношеской влюблённости нет).

Вспомогательные глаголы при кратких причастиях, как правило, имеют форму прошед. времени. Другие временные формы представлены единичными примерами. Например: *Учителя, небогатые врачи, фельдшера при громадном труде не имеют даже утешения думать, что они служат идее, народу, так как все время голова бывает набита мыслями о куске хлеба, о дровах, плохих*

дорогах, болезнях [11:261] (настоящее историческое); *И казалось, что еще немного – и решение будет найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь...* [21:410] (будущее время). Ещё реже встречаются формы других наклонений: *И не подавилась твоя гадюка, будь она трижды анафема проклята, дьяволица, чтоб ей светлого дня не дожидаться!* [4:47] (повелительное); *Вчера у нас шёл «Фауст наизнанку», и почти все ложи были пустые, а если бы мы с Ванечкой поставили какую-нибудь пошлость, то, поверьте, театр был бы битком набит* [18:353] (сослагательное); *Как бы ни было, мы все-таки знакомы, и если бы вы пожаловали ко мне как-нибудь запросто, то я была бы вам чрезвычайно обязана* [7:143] (сослагательное).

4.2. Особую группу составляют омонимичные кратким причастиям причастные предикативы на *но-, то-* (др. термины: «предикативные наречия», «безлично-предикативные слова», «предикативы»). Например: *Посидели в литографии <...> потом пошли в его комнату, где было накурено, наплевано...* [27:503] // – *Я сейчас внизу в передней узнал твою фамилию: на доске написано фон Дидерц, – сказал Гуров* [21:400]; *Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли.* [14:302]; *...там, где он [Иван Чепраков] стоял, было всегда насорено, так как на одну папиросу он тратил десятки спичек.* [7:166]; *В писанин сказано: аще кто ударит тебя в правую щеку, подставь ему левую...* [8:206]; *...строго было приказано, чтобы палый скот зарывать подальше, глубоко в землю, заливать известкой и прочее...* [9:240]; *...случалось, бумажек — желтых и зеленых, от которых пахло духами, и уксусом, и ладаном, и ворванью, — было понапихано во все карманы рублей на семьдесят...* [16:333]; *Вероятно, ей, как самой образованной в доме, было поручено встретить и принять доктора...* [17:340]; и др. В приведённых примерах выделенные словоформы выступают в функции главного члена однокомпонентного (безличного) предложения [9, с. 671]. В лингвистических словарях современного русского языка такие слова, как правило, снабжены пометой «в знач. сказ.» или пометой «предик.», однако они, несомненно, сохраняют связь с мотивирующими основами причастий и, соответственно, глаголов. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые из этих предикативов образованы от непереходных глаголов. Ср.: *накурено < накурить, наплевано < наплевать, насорено < насорить.*

4.3. Следует отметить, что полные страдательные причастия тоже могут употребляться в предикативной функции. Например: – *Садитесь, покорнейше прошу, проговорил Коваленко холодно и нахмурил брови; лицо у него было заспанное, он только что отдыхал после обеда и был сильно не в духе.* 294 [13:294]; *Культура бедная, роскошь случайная, не осмысленная, неудобная, как этот мундир...* [17:343]; *...и любовь его к церковным службам, духовенству, к звону колоколов была у него*

врожденной, глубокой, неискоренимой... [24:469]; *...но вид у него был нездоровый, замученный, он и постарел, и похудел, и все покашливал* [27:503]; *...в молельной же лицо у нее было чистое, умиленное, сама она как-то вся молодела, манерно приседала и даже складывала сердечком губы* [4:47].

Кроме собственно предикативного использования, в «Русской корпусной грамматике» [10] по степени предикативности разграничивается четыре группы определений, в которые входят и полные страдательные причастия. Рассмотрим эти группы на примерах из исследуемого материала:

1) В наименьшей степени предикативное начало проявляется при рестриктивном употреблении причастий, когда причастие выступает в атрибутивной позиции. В этом случае причастие способствует сужению количества референтов, обозначаемых вершинным существительным (Ср. [5, с. 10]). Например: *Какой-то проказник нарисовал карикатуру: идет Беликов в калошах, в подсученных брюках, под зонтом, и с ним под руку Варенька; внизу подпись: «влюбленный антропос».* [13: 293];

2) нерестриктивные определения, передавая какую-либо фоновую, побочную информацию, выражают дополнительные смысловые оттенки – причинные, уступительные и др. Для них характерны препозитивное употребление (*Обреченный судьбой на постоянную праздность, я не делал решительно ничего* [6:89]), а также отрыв от определяемого имени: *Большую часть он молчал, погруженный в еду или пасьянс...* [10:248]; *Она сунула ему в руки блюдечко и, подхваченная кем-то, унеслась далеко...* [2:21];

3) при депективном употреблении атрибутивная форма описывает такую ситуацию, которая наблюдается в момент осуществления действия, выраженного опорным глаголом. Депективы не образуют с определяемым именем «единой составляющей». Степень предикативности у них выше, чем у нерестриктивных определений. Например: *Они идут нога за ногу, утомленные, и думают...* [9:377]; *Варвара ходила вокруг стола, угощая гостей, утомленная, растерянная, и, видимо, была довольна, что так много кушаний и всё так богато, — никто не осудит теперь* [23:429];

4) комплементарное употребление характеризуется тем, что причастия «заполняют семантическую валентность глаголов восприятия или, реже, мыслительной деятельности» [10]: *Когда я думала о вас в Москве, вы представлялись мне таким идеальным, возвышенным...* [16:336]; *Еще утром сегодня она была в восторге, что всё так хорошо устроилось, во время же венчания и теперь в вагоне чувствовала себя виноватой, обманутой и смешной* [2:14]. После причастий-сказуемых самая высокая степень предикативности характерна именно для комплементарных причастий.

Таким образом, ни один из рассмотренных признаков причастий не замыкается в пределах

только какого-то определённого типа причастий. Если эти признаки представить графически в виде кругов, то в каждом круге будет сегмент, указывающий на 'вторжение' в него другого типа причастий.

5. В конце таблицы 1 даётся указание на прилагательные с суф. *-уч-* / *-ач-*, который был исконным формантом древнерусских действительных причастий наст. времени. Мы включили эти девербативы в нашу таблицу для того, чтобы показать возможность полного разрушения категории под влиянием серьёзных грамматических изменений. Сейчас эта группа бывших причастий имеет статус имён прилагательных. В нашем материале зафиксировано всего 10 словоформ таких прилагательных, представленных 25 примерами своего употребления. В ряде случаев они сохраняют достаточно прозрачную семантическую связь с производящими глаголами. Ср.: *От кожевенной фабрики вода в речке часто становилась вонючей (воняют)*... [23:418]; *Аксинья, завитая, без платья, в корсете, в новых скрипучих ботинках (скрипят), носилась по двору как вихрь*... [23:426]; *Тут уж сворачивать негде, колеи глубокие, и в них льется и журчит вода. И колючие ветви (колют) бьют по лицу* [11:259]; *Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель в их ходячем смысле (ходят), или не нужно рассуждать вовсе* [15:319]. Однако чаще значение глагола в семантике прилагательного приобретает переносный характер. Например: *...если приказчик божится, что ничего нельзя ни продать, ни заложить, то можно <...> в самую горячую пору (горят) погнать рабочих лошадей на базар и продать там за бесценок* [5:66]; *...в пору моих самых жгучих тревог (жгут) у меня было несколько случаев ясновидения*... [12:275]; *Любил я ее страстно, снилась она мне каждую ночь, <...> а тут еще деревенская скука, длинные вечера, тягучие мысли (тянут) насчет Лубкова*... [5:74]; *Я люблю зиму, люблю, потому что в это время дома, даже в трескучие морозы (тре-*

щат), мне бывало особенно тепло [5:80]; *Она вдруг остановилась и, как настоящая бунтовщица, стала бить себя по груди кулаками и кричать еще громче, певучим голосом (поют, петь)*... [8:225].

Кроме ослабления семантических связей с мотивирующим глаголом, у рассмотренных прилагательных вариант суффикса не всегда соответствует классу глагола. Так, у прилагательных *скрипучих, трескучих*, образованных от глаголов 2-го спряжения (4 класса по А. Лескину) должен бы быть вариант *-ач-*, как у лексем *горячую, ходячем*.

Завершая анализ материала, представленного в таблице 1, отметим, что мы целенаправленно акцентировали внимание на тех особенностях причастий, которые формируют асимметричность этой системы, а следовательно, и сложность её изучения. Безусловно, мы далеки от мысли рекомендовать глубокое изучение в школе всех затронутых теоретических вопросов. Более важным представляется ознакомление учащихся с тем, как указанные особенности причастий реализуются в текстах. Этому во многом способствует работа с текстами одного автора. Стремясь подчеркнуть реальность бытования многих особенностей причастий в речи, мы сознательно приводили сравнительно большое количество примеров из произведений А. Чехова.

6.1. В заключительной части настоящей статьи затронут вопрос о позициях основных типов причастий относительно определяемого слова – перед определяемым словом (препозиция) и после (постпозиция). Случаи отрыва причастия от определяемого слова на данном этапе анализа учитываются только по мере необходимости. Принципиально важным для функционирования причастий в предложении является и такой признак, как отсутствие или наличие у причастия зависимых слов. В таблице 2 это деление на одиночные и обороты. В этой таблице мы исходим не из количества словоформ, а из общего количества причастий в анализируемых текстах, причём для страдательных причастий учитываются только полные формы. Рассмотрим показатели таблицы 2:

Таблица 2. Позиции действительных и страдательных причастий в предложении

Типы причастий	Препозиция		Постпозиция		Всего:
	одиночные	обороты	одиночные	обороты	
Действительные:					
настоящее время	78 (56%)	6 (4%)	13 (9%)	42 (30%)	139 (16%)
прошедшее время	24 (14%)	6 (4%)	1	142 (82%)	173 (20%)
Страдательные:					
настоящее время	15 (68%)	1	1	5 (23%)	22 (2,5%)ⁱⁱ
прошедшее время	222 (40%)	40 (7%)	115 (21%)	173 (31%)	550 (62%)
	339 (38%)	53 (6%)	130 (15%)	362 (41%)	884

ⁱⁱ Страдательные причастия настоящего времени ввиду их небольшого количества в данном случае специально анализироваться не будут.

Обозначение в таблице 2 не только количества, но и процентного соотношения выделяемых единиц позволяет более наглядно, чем в таблице 1, показать неравномерность распределения основных типов причастий в текстах А. Чехова. Из последней графы таблицы 2 видно заметное преобладание причастий прошед. времени (суммарно 82%), а из них – страдательных причастий (62%). Следовательно, именно этот тип заслуживает более пристального внимания при изучении причастий. Анализ позиций причастий в предложении показывает отчётливое размежевание временных форм действительных причастий: в препозиции преобладают одиночные причастия наст. времени (56%), а в постпозиции – причастия прошед. времени в составе оборотов (82%). Рассмотрим некоторые примеры: (1) *Петр Леонтыч дрожащей рукой наливал из графинчика и выпивал быстро, с жадностью, с отвращением, потом выпивал другую рюмку, потом третью...* [2:16]; (2) *...он дрожащими руками вытащил пачечку денег и сказал: — Я сегодня получил с урока и могу отдать долг твоему мужу* [2:21]; (3) *...воображая, что все смотрят на нее и ждут ее выхода, она дрожащею рукой поправляла волосы и говорила мне...* [7:186]; (4) *Дрожащими руками она распечатала телеграмму и прочла следующее: «Иван Петрович скончался сегодня скоростно...»* [18:354]; (5) *...и в самом деле, Матвей появлялся скоро и кричал дрожащим голосом: «Образумьтесь, братец! Покайтесь, братец!»* [4:45]; (6) *...было слышно, как Ефимья дрожащим голосом прочла первые строки* [22:415]; и др. В приведённых примерах причастие *дрожащий*, имеющее в текстах А. Чехова частотность 13, сочетается с именами существительными *рука* и *голос*, которые чаще всего выступают при нём в роли определяемых слов. В примерах 1-2 это причастие подчёркивает одну их характерных черт отца Анны – пристрастие к спиртному, а в примерах 3-6 оно указывает на взволнованность субъекта действия данной ситуацией. Ср. с причастием от глагола СВ *дрогнуть*: (7) — *Маменька, отчего я его так люблю? Отчего я его жалею так? — продолжала она дрогнувшим голосом, и глаза у нее заблестели от слез* [23:442]. Причастие *дрогнувшим* сохраняет свойственный глаголу оттенок однократности действия.

Для характеристики состояния своих героев А. Чехов часто использует существительное *голос* в соединении с действит. причастиями наст. времени. Например: — (8) *Девушка, не греши!* — *сказал он стонуцим голосом, как больной.* [4:46]; (9) *Павел Константиныч, — проговорил он умоляющим голосом, — не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя!* [14:308]; и др. Даже для щенка находится уменьшительный вариант этого существительного: (10) *...в это время в хлеву что-то вдруг завизжало, залаяло и залилось тонким, подвывающим голоском...* [3:27]. Формы причастий

наст. времени, в полном соответствии с их временной принадлежностью, чаще всего используются для характеристики ситуаций, наблюдаемых сейчас, в данное время, при этом в своём значении они содержат и оттенок динамики действия. Ср.: (11) *Как эта Варя, <...> вертящая папиросу длинными, худыми пальцами, <...> Варя, легко впадающая в мистицизм, говорящая так вяло и монотонно, — как она непохожа на Варю-курсистку...* [12:275]. Однако, употребляясь в синтаксических рядах, довольно часто встречающихся в текстах А. Чехова, действ. причастия наст. времени могут утрачивать оттенок реального временного значения: (12) *Директорша берет в театре ложу, и смотрим — в ее ложе сидит Варенька с таким веером, сияющая, счастливая...* [13:290].

6.2. Особенности значения действ. причастий наст. времени более рельефно проявляются при сравнении их как с действительными, так и со страдательными причастиями прош. времени. Ср.: (13) *...на столе возле остывшего самовара лежала разбитая тарелка с темной бумажкой...* [27:503]; (14) *Слышно было, как он разговаривал с ямщиком, как на озябших лошадах вздрагивали бубенчики.* [20:380]; (15) *Запах человеческих и лошадиных следов, пни, сложенные дрова и темная унавощенная дорога пугали ее.* [3:26]; (16) *Я каждый день видел, как эта дама, очень полная, пухлая, важная, похожая на откормленную гусыню, гуляла по саду, в русском костюме с бусами...* [6:98]; (17) *Когда я пришел, по обыкновению, вечером, он [Должиков], умытый, подстриженный, помолодевший лет на десять, ходил по гостиной и что-то рассказывал...* [7:155]. Во всех приведённых примерах (13 -17) причастия прош. времени обозначают признак, уже сложившийся в прошлом. В значениях таких причастий нет элементов динамики. Однако эта закономерность нарушается у причастий, образованных от глаголов НСВ. Ср.: (18) *Сотни верст пустынной, выгоревшей степи не могут нагнать такого уныния, как один человек, когда он сидит, говорит и неизвестно, когда он уйдет.* [6:98] // (19) *Около горевшей избы было жарко и так светло, что на земле видна была отчетливо каждая травка.* [8:216]. У причастия *горевшей*, в отличие от *выгоревшей*, имеется оттенок процессуального значения.

Обращает на себя внимание тот факт, что в художественных текстах А. Чехова большинство действ. причастий прошед. времени имеют зависимые слова. Значение этих причастий в предложении определяется видовой принадлежностью глаголов, от которых причастия образованы, т. е. разграничивается по признаку «завершённость / незавершённость действия». Ср.: (20) *Доктор Старченко <...> и следователь Лыжин, белокурый, еще молодой, кончивший (кончить – СВ) только два года назад и похожий больше на студента, чем на чиновника, сидели молча, задумав-*

ишь [20:380] // (21)...студент, работая кишкой, направляя струю то на эти бревна, то на мужиков, то **на баб, таскавших** (таскать – НСВ) **воду** [8:218]. Значение незавершённости действия наблюдается у причастий от глаголов НСВ и в следующих примерах: (22) *В хлеву день и ночь раздавалось **мычанье** голодной коровы, **надрывавшее** душу у бабки и Марьи [8:231]; (23)...мелькали и старые **сосны**, и молодой **березняк**, и высокие молодые, корявые **дубы**, **одинокостоявшие на полянах**, где недавно срубили лес... [20:387]; (24) ...зеленая **крыша**, выкрашенная мною и теперь **блестевшая на солнце**, долго была видна нам. [7:179]; и др.*

6.3. Несмотря на преобладание страдат. причастий прошед. времени в постпозиции (соответственно 52% и 47%) и на большее количество одиночных причастий (61% и 38% соответственно), всё-таки по сравнению с действительными причастиями страдательные словоформы в предложениях распределяются более равномерно. В известной степени это связано с особенностями их значения, указывающего на признак, сформировавшийся в прошлом. Рассмотрим некоторые примеры: (25) *Он опять начал об изразцовом заводе, о хоре, но **оскорбленный Сергей Никанорыч** никак не мог успокоиться...* [4:35]; (26)...и в то же время то и дело приходило на память, как **обольстительна она была сегодня в своей блузе и с распущенными волосами**... [5:79]; (27) *Она тосковала по родине, но воспоминания о пережитой бедности, о недостатках, **о заржавленной крыше** на доме брата вызвали в ней отвращение, дрожь...* [5:81]; (28) *И подписалась так: «брошенная вами Ариадна»* [5:74]; (29) ...белый, **забрызганный кровью платочек** сполз у нее на плечи, и седые волосы распустились [4:54]; (30) *Два ряда старых, **тесно посаженных**, очень высоких елей стояли, как две сплошные стены, образуя мрачную, красивую аллею.* [6:89-90]; и др. В приведённых выше предложениях и одиночные причастия (25 – 27 предложения), и причастия в составе оборотов (28 – 30 предложения) в препозиции сохраняют основное значение – обозначение признака, сформировавшегося в прошлом. Отступления наблюдаются только в нерестриктивных определениях. Например: (32) ...**покрытая багровым облаком, восходила луна** и еле-еле освещала дорогу и по сторонам ее темные озимые поля. [6:104]; (33) *Она [волчиха] была уже не молода <...> и иногда даже, **обманутая чутьем, сбивалась с дороги**, чего с нею никогда не бывало в молодости.* [3:26]; и др.

6.4. Значение сложившегося в прошлом признака сохраняется и при употреблении страд. причастий в постпозиции, причём, как правило, в составе оборотов. Ср.: (34) *Тарантас повчерашнему запрыгал, завизжал, застучало неистово **ведро, привязанное к задку*** [9:243]; (35) *В этой партии находился **Яков Иванович, прозванный на каторге Веником за свою длинную бороду***

[4:59]; (36) *На столе, **покрытом до земли скаптертью**, стоял образ Благовещения и тут же кипарисовый крест и кадьльница; горели восковые свечи.* [4:36]; и др. А. Н. Гвоздев отмечает, что положение причастного оборота в постпозиции «является его обычным местом, наравне с синонимичным ему определительным придаточным предложением» [5, с. 152].

Употребление одиночных страдат. причастий в постпозиции чаще всего осложняется целым рядом факторов, в той или иной степени влияющих на их значение. Ср. несколько примеров из одного рассказа – «Анна на шее»: (37) *Каждый вечер, после карт, **Модест Алексич, взволнованный, шептался** с чиновницами, озабоченно поглядывая на Аню, и потом долго ходил из угла в угол, о чем-то думая* [2:19]; (38) ...она [Анна] **стояла среди гостиной, изумленная, очарованная, не веря, что перемена в ее жизни, удивительная перемена, произошла так скоро...** [2:23-24]; (39) *Еще утром сегодня она [Анна] была в восторге, что всё так хорошо устроилось, во время же венчания и теперь в вагоне **чувствовала себя виноватой, обманутой и смешной**...* [2:53]. В примерах 37 – 38 причастия являются нерестриктивными определениями, выражающими дополнительный смысловой оттенок – значение причины. Такие определения в проанализированных текстах А. Чехова встречаются довольно часто: (40) *Старик, **смущенный, не зная, как и чем объяснить этот странный, неожиданный окрик гостя, не спеша, пошел** в дом* [9:243]; (41) *И когда чтение кончилось, **соседи разошлись по домам, растроганные и очень довольные Ольгой и Сашей*** [8:210]; (42) *Яков, тяжело дыша, **возбужденный и испытывая удовольствие оттого, что бутылка, ударившись о голову, крякнула, как живая, не давал ему упасть**...* [4:53]. (43) *Он [Беликов] **лежит, а возле бродит Афанасий, мрачный, нахмуренный, и вздыхает глубоко; а от него водкой, как из кабака*** [13:296]; (44) *И обе, **успокоенные, прижавшись друг к другу, уснули** ...* [23:440]; и др.

В примере 39 причастие *обманутой* заполняет семантическую валентность глагола *чувствовала себя*. Комплементарное употребление причастий в художественных текстах А. Чехова тоже отличается сравнительно высокой частотностью: (45) *Она читала целый день <...> и только по тому, что **взгляд её иногда становился усталым, ошеломлённым** и лицо сильно бледнело, можно было догадаться, как это чтение утомяло её мозг* [7:94]; (46) ...городская и клубная библиотеки **посещались только евреями-подростками, так что журналы и новые книги по месяцам лежали неразрезанными**... [7:121]; (47) ...я **чувствовал себя, как в колодах, стиснутым, брошенным, жалким**... [5:79]; (48) *Все время она [Анна Сергеевна] **называла его добрым, необыкновенным, возвышенным**...* [21:402]; (49) ...сахар и мука **оказались подмоченными** – и это было обиднее всего... [11:264].

6.5. В приведённых примерах (33, 38, 39, 47, 48) в ряде случаев страдают причастия относятся к местоимениям. В этой позиции они всегда обособляются и нередко соответствуют оборотам с *будучи* [5, с.156]. Ср.: (51) *Потом, разъяренная (будучи разъярённой), она* [Аксинья] *металась по двору около белья, срывала всё, и то, что было не ее, бросала на землю и топтала.* [23:446]; (52) *И нам, неудовлетворенным, обманутым (будучи обманутыми), не остается ничего больше, как брюзжать...* [5:64]; (52) *...он* [Старцев] *с волнением спрашивал у нее всякий раз, о чем она читала в последние дни, и, очарованный (будучи очарованным), слушал, когда она рассказывала...* [5:326]; *И он вспомнил всё, что было, все малейшие подробности, как он* [Старцев] *бродил по*

кладбищу, как потом под утро, утомленный, возвращаясь к себе домой, и ему вдруг стало грустно и жаль прошлого [16:335]; и др.

Таким образом, рассмотрев основные признаки русских причастий в теоретическом аспекте, а также особенности их использования в рассказах и повестях последнего периода творчества А. Чехова (1895-1903 гг.), мы пришли к выводу о том, что ассиметризм системы этих форм глагола создаёт известные трудности не только при описании их грамматических признаков, но и при использовании в речи (в тексте). И хотя черты ассиметризма характерны для многих грамматических категорий, но именно в системе причастий они создают наибольшие трудности и при изучении, и при употреблении в речи.

Литература

1. Бекасова Е., Устюгова Л., Брандыс О. Русские причастия: методический аспект// Определение картины мира в русском языке, культуре и литературе: Zborník štúdií z conference Katedry rusistiky Filozofický fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave a Katedry ruského jazyka a ruskej literatúry Historicko-filologickej fakulty Belgorodskej štátnej národnej výskumnej university. – Brno: Tribun EU, 2018. – S. 169-174.0, 5 (185)
2. Бунеев Р.Н., Бунеева Е.В., Комиссарова Л.Ю., Текучёва И.В. Русский язык: Учебник для 6-го класса основной школы / Под науч. ред. акад. РАО А.А. Леонтьева. Изд. 2-е, перераб. М.: Баласс, 2008. – 288 с.
3. Быкова Е.И., Давыдюк Л.В., Стативка В.И. Русский язык: Учеб. для 7 кл. общеобразоват. учеб. заведений с рус. яз. обучения. – К.: Зодіак-ЕКО, 2007. – 288 с.
4. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв.: Учебник. 3-е изд. / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
5. Влавацкая М. В. Комбинаторная семасиология : рестриктивный компонент значения слова / М. В. Влавацкая // Научный диалог. — 2017. – № 9. – С. 9–18.
6. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Учеб. пособие для пед. ин-тов. Изд. 3-е. 4.2. – М.: Просвещение, 1968. – 344 с.
7. Горшкова К.И., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. – М.: Высш. школа, 1981. – 389 с.
8. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Около 100 000 слов. – М.: Русский язык, 1977. – 880 с.
9. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. 1, 783 с.
10. Русская корпусная грамматика // Электронный ресурс. Режим доступа <http://rusgram.ru/Причастие>
11. Русский язык. 6 класс. Учебник / Под ред. М.М. Разумовской. – М.: Дрофа, 2002.
12. Русский язык. 6 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / М.М. Разумовская, С.И. Львова, В.И. Капинос и др. / Под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. – М.: Дрофа, 2013. – 335 с.
13. Русский язык. 7 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / М.Т. Баранов, Г.А. Ладыженская, Л.А. Тростенцова и др. / Науч. ред. Н.М. Шанский. 34-е изд. – М.: Просвещение, 2012. – 223 с.
14. УМК по русскому языку под редакцией Бабайцевой В.В. «Русский язык. Теория. 5-9 классы». М.: «Дрофа», 2006г.; «Русский язык. Практика. 7 класс». – М.: «Дрофа», 2006.
15. Хабургаев Г.А. Старославянский язык. Учеб. пособие для студентов пед. ин-та. – М.: Просвещение, 1974. – 432 с.
16. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. – М.: Учпедгиз, 1957. – 400 с.

Источник фактического материала

17. Чехов А. П. Повести и рассказы 1895 – 1903 гг. // Чехов А. П. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т.8. – М.: Изд-во худож. лит-ры, 1956.– 556 с.
- Перечень произведений: 2. Анна на шее; 3. Белолобый; 4. Убийство; 5.Ариадна; 6. Дом с мезонином; 7. Моя жизнь; 8. Мужики; 9. Печенег; 10. В родном углу; 11. На подводе; 12. У знакомых; 13. Человек в футляре; 14. Крыжовник; 15. О любви; 16. Ионыч; 17. Случай из практики; 18. Душечка; 19. Новая дача; 20. По делам службы; 21. Дама с собачкой; 22. На святках; 23. В овраге; 24. Архирей; 27. Невеста.
- Пропущены: 1. Супруга; 25. Расстройство компенсации; 26. Письмо.

Ольга БРАНДИС, Людмила УСТЮГОВА
РУССКИЕ ПРИЧАСТИЯ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ

Аннотация. Изучение причастий на уроках русского языка – сложный процесс, необходимый для обучения письменному и устному общению. В статье на примере причастий из рассказов и повестей А. Чехова дана систематизация грамматического материала, представляющего интерес для изучения причастий в школе.

Ключевые слова. Русский язык, действительные причастия настоящего времени, действительные причастия прошедшего времени, страдательные причастия прошедшего времени, совершенный вид, несовершенный вид.

Olga BRANDYS, Lyudmila USTYUGOVA
RUSSIAN PARTICIPLES AS AN OBJECT OF STUDY AT SCHOOL

Abstract. The study of participles in Russian language lessons is a complex process that is necessary for teaching written and oral communication. In this article is given using the examples of participles from Chekhov's stories and novels, the systematization of grammatical material, which is of interest for studying participles in school.

Key words. Russian language, present participles active voice, past participles passive voice, past participles passive voice, the perfect form, the imperfect appearance.

Стаття надійшла до друку 1.07.2018 р.

© Брандис О.С., Устюгова Л.М., 2018

Брандис Ольга Степанівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри слов'янської філології та світової літератури УжНУ.

Устюгова Людмила Михайлівна – доктор філологічних наук, професор кафедри слов'янської філології та світової літератури УжНУ.